

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.48

Социокультурные аспекты гендерного конфликта в радикальных сетевых сообществах Рунета (по материалам полевого исследования)

Sociocultural Aspects of Gender Conflict in Radical Network Communities of Runet (Based on Field Research)

Иванов А.В., ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», Berserk@yandex.ru

Козлов В.Е., ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», vadim.kozlov@list.ru

Ivanov A., Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, Berserk@yandex.ru

Kozlov V., Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, vadim.kozlov@list.ru

DOI: 10.51379/KPJ.2021.148.4.036

Статья подготовлена в рамках реализации программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». Проект «Факторы и причины радикализации личности в культурно сложном региональном сообществе».

Ключевые слова: виртуальное пространство, мизандрия, мизогиния, гендерный конфликт, радфем, фемкызлар, экстремизм.

Keywords: virtual space, misandry, misogyny, gender conflict, radfem, femkызlar.

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена необходимостью междисциплинарного осмысления набирающего популярность среди российской аудитории феномена – мизандрии и мизогинии, наиболее заметно представленного в виртуальном пространстве. Авторами было проведено эмпирическое исследование с использованием методов глубинного интервью и включенного наблюдения в сообществах радикальной гендерной направленности, которые брендированы как «Радфем» [1], «ФемКызлар» [2], «Мужское государство» [3], артикулирующих радикальные социокультурные и социально-политические концепты. Исследование проводилось с 2020 года по август 2021 года.

На основании проведенного анализа, авторы приходят к выводу, что гендерный конфликт становится одним из наиболее распространенных видов виртуальной социальной агрессии. Его содержательная «повседневность» и эксплицитная коммуникативная форма, позволяют использовать данный вид социального конфликта как рамочную конструкцию для создания деструктивных идеологем, формирующих в количественно значимых демографических группах атмосферу неприятия и ксенофобии с целью повышения уровня социальной аномии в обществе, дискредитации традиционных культурных норм, нанесения морального и психологического урона различным социокультурным группам и их отдельным представителям. Данные особенности гендерного конфликта ставят перед научным сообществом серьезные исследовательские и практические задачи.

Abstract. The relevance of this problem is due to the need for an interdisciplinary understanding of the phenomenon of misandry and misogyny in the virtual space. The authors conducted their own empirical research using the methods of in-depth interviews and included observation in communities of radical gender orientation, which are branded as "Radfem" [1], "FemKызlar" [2], "Men's State" [3], speaking with ultra-radical socio-political slogans. The study was conducted from 2020 to July 2021.

Based on the analysis, the authors come to the conclusion that gender conflict is becoming one of the most common types of virtual aggression. Its meaningful "everyday life" and explicit communicative form allow us to use this type of

social conflict as a framework for creating destructive ideologies, the formation of aggression and xenophobia in order to increase the level of social anomie in society, discredit traditional cultural norms, cause physical or moral and psychological damage to various social groups or individuals. These features of the gender conflict pose serious research and practical tasks for the scientific communities.

Введение. В пространстве Рунета, помимо уже ставшего традиционным нарратива феминизма, репрезентируемого в тематических женских сообществах (справедливость для женщин, противостояние сексуальным домогательствам и насилию в отношении женщин, просветительские задачи по разъяснению классических форм феминизма и т.д.) – становится все более характерным появление и распространение конфликтогенных концептов мизандрической направленности.

Одним из важных отличий актуализированной мизандрической идеологии от «классического» феминизма выступает иная трактовка идеи гендерного плюрализма, в частности, в первой императив безопасности женщин от «фемцида» со стороны мужчин – предполагает противодействие насаждению политики свободной смены «гендера» и популяризации «трансгендерности», которые трактуются в качестве метода внедрения мужчин в женские сообщества. За это «Радфем» сам критикуется другими направлениями феминизма, прежде всего либеральным и интерсекциональным. При этом традиционный институт семьи рассматривается обеими направлениями феминизма как инструмент патриархата. В качестве эффективной антидискриминационной практики предлагается активное внедрение в лексикон симпатизантов слов – феминитивов. Но для мизандрических групп необходимым механизмом борьбы с «патриархальным государством» видится, в первую очередь, «феминорхатное мировоззрение».

Если в мужских мизогинических пабликах конечным объектом ненависти является «матриархатное государство» (под которым обычно понимается современное российское государство), то в рамках мизандрических женских ультрарадикальных сообществ финальным объектом ненависти остаются мужчины. В данном случае, для администраторов мужских пабликов мизогиния является внешним контуром для привлечения целевой аудитории в основном из молодых мужчин. Для мизандрических женских пабликов важно обесценивание, расчеловечивание мужчин как социальной группы, в идеале уничтожение мужчин как популяции. Подобные социальные установки, оформленные в антогонистические

идеологии – становятся серьезной угрозой для целостности общего культурного пространства сложного общества, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Целью настоящего исследования являлся анализ механизмов конструирования гендерного конфликта на основе этнических и культурных паттернов.

Объектом исследования выступили виртуальные сообщества гендерной направленности, представленные как в социальной сети ВКонтакте, так и демонстрирующие офф-лайн активность в Республике Татарстан.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу статьи составили положения социального конструктивизма, представленные в работах П. Бергера, Г. Гарфинкеля, Т. Лукмана [4], что позволило показать практики конструирования гендерной ненависти в культуре общества. Основное положение концепции П. Бергера и Т. Лукмана состоит в том, что социальная реальность конструируется индивидом, и в то же время, будучи независимой от него, является социально сконструированной.

Итак, в Республике Татарстан в 2018 году появляется феминистское движение «ФемКызлар» (около 1300 участников по состоянию на август 2021 года) («кызлар», перевод с татарского языка – девушки), которое можно рассматривать как разновидность радикального этнофеминизма со своей спецификой и особенностями. Основной слоган движения «ФемКызлар» – это «Свобода, сестринство, чак-чак». Феномен этнофеминизма заключается, прежде всего, в борьбе со стереотипами «послушной татарской жены», утверждается что «татарки сильные, не любят подчиняться». Концепт исламского феминизма в движении «ФемКызлар» находится на начальной стадии индоктринации и первичной интерпретации. Так, одна из основательниц «ФемКызлар» исламский феминизм определяет, как «достаточно молодой и пока только он нацупывает свою точку зрения и аудиторию. ...у нас много мусульманок-неофиток – они выросли в свободной среде и хотели бы совмещать религию со своими взглядами. Они свободные, умные женщины, которые стремятся получить хорошее образование и работу, что практически

невозможно без феминизма» [5].

Как видим, интерпретация исламского феминизма «ФемКызлар» отличается от традиционного определения Марго Бадран, которая подчеркивала первичность конфессиональной и культурной идентичности мусульманской женщины [6]. По большому счету исламский феминизм – это ответ на идеи либерального феминизма, заключавшийся в борьбе женщин за свои права через отказ от религиозной и этнической идентичности. Для «ФемКызлар» исламский феминизм носит двойственный характер – это и «свободная женщина, стремящаяся к независимости» и в то же время «мусульманка-неофитка».

Ультрарадикальные последовательницы «ФемКызлар» порой имеют достаточно вульгаризированные представления о феминизме: «Я просто ненавижу мужиков», «Фемкой нынче быть очень модно!» (из интервью).

Для них важным является личная популярность, «хайп» и «движ» вокруг себя, концептуальная проработка местного феминизма только делает первые шаги.

Из интервью:

«Пусть вон маскулисты боятся. В конце концов, я всегда мечтала стать <...>, когда вырасту. С другой, мне хочется выглядеть более понятной и открытой, мне нужны друзья и подруги и вообще – я тут фем-комьюнити строю, важно, чтобы девочки не стремились ко мне обращаться, делиться мыслями, предлагать участие» (из цитаты исключены фрагменты, содержащие грубую лексику). (жен., 27 лет, Казань).

Молодое татарстанское феминистское движение стремится уходить в офлайн-проекты, особенно связанное с мужским насилием.

Из интервью:

«А касемо мероприятий уже полтора года я в рамках сотрудничества ФемКызлар с кризисным центром «Фатима», я выслушиваю дичайшие истории женщин и девочек, которые подверглись и подвергаются насилию в семье. Помимо этого, мы проводим различные акции, так сказать, привлекаем общественное внимание и попадаем в топ новостей». (жен., 27 лет, Казань).

В данные сообщества попадают в основном целенаправленно. Нельзя исключать элемент случайности, хотя личностные предпосылки и имеющийся негативный опыт «подталкивают» женщин в данные паблики.

Из интервью:

«...наткнулась на движение ФемКызлар. Чем больше я общалась с членами этого движения,

тем больше я становилась феминисткой. Меня затянуло. Сейчас я являюсь студенткой одного из институтов КФУ, помогаю кошкам и женщинам». (жен., 22 года, Казань).

Вхождение в данные сообщества могут концептуально менять внешний образ женщины, идет переоценка стандартов красоты и внешнего вида.

Из интервью:

«Я перестала краситься, так как у феминисток это неприято. Родители говорят, что я теперь похожа на пацанку». (жен., 22 года, Казань).

Актуальным является вопрос для татарстанского крыла этнофеминизма ношение мусульманского платка или хиджаба. Здесь какого-то единого мнения не сложилось. В глубинных интервью прослеживается две явные тенденции.

Во-первых, что платок или хиджаб является не религиозным атрибутом, а гендерным инструментом манипулирования и господства мужчин.

Из интервью: «Мусульманский платок это способ подчинения татарской женщины, проявление господства мужского мира. Здесь отсутствует религиозная подчиненность Аллаху, а по сути навязывается подчиненное состояние своему мужу, мужчинам. Женщина сама не решает носить его или нет». (жен., 24 года, Казань).

Во-вторых, вторая категория респондентов рассматривает ситуацию «покрытой женщины» как сугубо религиозную практику и не видит в этом никакой дискриминации со стороны мужчин.

Представители татарстанского феминизм-сообщества среди активисток, прекрасно понимают насколько понятие «феминизм» может вызывать отрицательные эмоции в обществе, особенно среди мужчин.

Из интервью:

«В любой дискуссии, где встречается слово «феминизм», вы гарантированно увидите кучу мнений от мужчинок, которые считают, что равноправие для женщины – это право получать по морде и обязанность укладывать шпалы. А что у мужчин есть обязанность безропотно получать по морде? ПМС не так распространён, как это принято считать в обществе. Это просто удобный способ заткнуть рот женщине, когда она говорит то, что не нравится <...>» (из цитаты исключены фрагменты, содержащие грубую лексику).

Именно, мужское насилие и мужской шовинизм привели меня в движение». (жен., 36

лет, Казань).

То есть, в радикальном крыле татарстанского феминизма сформирован своеобразный глоссарий языка вражды, направленный против мужчин. Априори утверждается, что все мужчины мизогинисты и мужские шовинисты.

Из интервью:

«Это началось с того, что я поняла, что мужчины ненавидят многих женщин. Но одной категории достаётся особенно – это разведённые женщины с детьми. Их называют разведёнками с прицепом (РСП). «Разведёнка с прицепом» в глазах <...> – это средоточие женской меркантильности, коварства и эгоизма. Она «посмела разрушить семью», «лишила детей отца», «живёт на алименты», а в каждом новом мужчине видит возможность обогатить его. И они все такие во всем, обвиняют женщин во всех смертных грехах.

Столкнулась также с дискредитацией на работе со стороны мужчин-руководителей. Сделала для себя далеко идущие выводы. И вуаля, я нашла себя именно в феминизме» (из цитаты исключены фрагменты, содержащие грубую лексику). (жен., 36 лет, Казань).

Если в группах мизогинической направленности (МГ и NAP) очень часто используется понятие «русачок» в контексте «недомужик», «подкаблучник», <...>, то в рамках радикального феминизма можно увидеть зеркальное использование термина «патриархатная тетка», «патриархатная баба», которая разделяет ценности «мужского общества».

Из интервью:

«Происходит длительное зомбирование женщин, именно оно вырабатывает устойчивую ситуацию подмены понятий и отсутствия каких-либо действительно важных прав для женщин. Вот вам право на еле оплачиваемый труд, и прыгайте, что вас взяли, а вот вам право на бесплатный домашний труд «дорогие женщины», и на бесплатные репродуктивные и секс отработки. Такой неравноценный обмен предлагают мужчины. Именно, когда пелена падает с глаз сестер они приходят к нам. Именно в социальных сетях мы боремся за этих жертв патриархатного режима. На старых патриархатных тетках надежды нет, только на молодых сестер, которые подрастают и еще находятся на школьной скамье. С ними мы и работаем.есть огромное количество женщин, которые попали под мужскую пяту и не хотят оттуда выходить». (жен., 36 лет, Казань).

Как видим, представители этнофеминизма достаточно осторожно оценивают потенциал

роста популярности своего движения в Республике Татарстан. Возможность вовлечения в свое движение предполагают только для девушек до 30 лет, у которых не сформировались патриархатные стереотипы.

Тем не менее, можно уверенно констатировать, что в Республике Татарстан появилось самостоятельное феминистское движение, имеющее собственную структуру, руководителей, политическую программу и неоднозначный накопленный багаж уличных акций и флешмобов против «домашнего насилия» («кровавая свадьба», «не доводите до гроба»).

В тоже время, глубинные интервью показали, что участники гендерного идеологического экстремизма, прежде всего последователи «Мужского государства» пережили глубокое потрясение в семье или во взаимоотношениях с девушкой («я ушёл в депрессию.... Это был самый тяжёлый период моей короткой жизни»), выходом чего стало вступление в данное движение.

Роль семьи для сторонников данного движения сложно переоценить. С одной стороны, идеальная патриархальная семья – это утопическая цель данного движения, своеобразный концепт данной идеологии. Именно концепт идеальной патриархальной семьи, с точки зрения идеологов движения, обуславливает критику и необходимость свержения существующего «матриархального» политического строя.

В рамках социально-психологического анализа видно, что любые внутриличностные и межличностные конфликты, как, например, гендерные конфликты в сообществе «Мужское государство» и «NAP» (национал-патриархат) используются для формирования деструктивной антиобщественной повестки.

Из интервью:

«Это движение за возврат патриархату. К чистой расе, где славянские женщины не спят с кем попало, с горнороссиянами. Девушки продаются и покупаются. Это деградация. Нужен патриархат». (муж., 20 лет, Казань).

Проявление маскулинности и агрессивности является основным трендом в группах мужской направленности (МГ и NAP). Однако сами респонденты часто говорят, что на их группы подписываются молодые люди субтильной наружности, со слабыми признаками физической силы.

Из интервью:

«Занимаюсь рукопашным боем в секции, чтобы от многонационалов не бегать, если что. Но они трусы и шакалы, бьют всегда гурьбой».

(муж., 20 лет, Казань).

Таким образом, для администраторов данных мужских пабликов мизогиния является внешним концентром привлечения молодых людей, которым в дальнейшем презентуют политическую антироссийскую повестку в виде национал-патриархата. В 2020 году произошел ребрендинг сообществ Мужского государства на сообщества NAP (Национал-патриархат). Одной из причин изменения бренда были массовые блокировки групп МГ-направленности. На данный момент большинство групп NAP тоже заблокированы.

Из интервью:

И.: «Что привело Вас в движение NAP? Каковы были основные причины?»

Р.: «Разложение женщин и этот воинствующий феминизм вонючий, радфемок, их стрелочки сексизма, которые смотрят только на мужчин». (муж., 20 лет, Казань).

Данные сообщества можно классифицировать как псевдомизогинические, так как основным вопросом, скрывающимся за повесткой женоненавистничества является пересмотр политического режима российской государственности («феминное государство»).

В мужских мизогинических пабликах конечным объектом ненависти является «матриархатное государство» (современное российское государство).

Из интервью:

«Данное государство – это феминистское государство, надо идти к патриархату. Везде идет пропаганда <...>. Это плохо. Надо создавать русскую мужскую дееспособную нацию, она только сможет господствовать в мире» (из цитаты исключены фрагменты, содержащие грубую лексику). (муж., 20 лет, Казань).

В данном случае патриархат подается в контексте победы маскулинности над феминностью.

С другой стороны, представители радфем выражают такую же зеркальную ненависть.

Из интервью:

«...что касается МГ, терпеть не могу». (жен., 22 года, Казань).

Виртуальные молодежные гендерные сообщества напрямую связаны с развитием и распространением сетевых коммуникаций [7]. Как следствие возникают новые молодежные культурные практики. В исследуемых сообществах обнаруживаются универсальные структурные признаки: противопоставление «Свой-Чужой (Враг)»; наличие лидера-идеолога; сторонников; предписанные формы поведения

для всех участников; безальтернативная система взглядов на действительность.

Увеличение степени идеологизированности групп гендерного экстремизма увеличивает количество подписчиков и их активность как в режиме он-лайн, так и в режиме офф-лайн. Наиболее успешные паблики постоянно подчеркивают наличие своей идеологии, малейшее отхождение от которой или сомнения в которой влечет за собой наказание, организаторы требуют от участников идеологической грамотности.

Результаты исследования. Можно выделить два направления современного исламского феминизма – светский и религиозный [8]. Они встречаются как в исламском, так и немусульманском мире. Исламский феминизм стремится не просто к получению женщинами широкого спектра прав и гарантий, но и к богословскому обоснованию борьбы за женские права [9]. «ФемКызлар» – это светское женское объединение, для которых понятие «исламского феминизма» является сугубо популярным медийным трендом, но не более того.

Для «ФемКызлар» исламский светский феминизм является не основным концептом, он только начинает разрабатываться. Акцент делается, прежде всего, на этнофеминизме, где провозглашается статус «сильной и независимой татарской женщины», которая не готова подчиняться «мужскому миру». С другой стороны, декларируется тезис о равенстве всех людей независимо от гендерных, этнических, религиозных характеристик. Важное значение приобретает борьба с патриархальными структурами, где активно используется чувство гендерной ненависти.

Гендерная ненависть как способ конфликтного взаимодействия есть результат переживания субъектом внутриличностного или межличностного конфликта с противоположным полом, где присутствует накопительный эффект негативных эмоций, впечатлений, стрессов, что приводит к сценарию поведенческих стереотипов, основанных на враждебности. Последствием межличностного или внутриличностного конфликта становится новая стратегия поведения в конфликте – гендерный экстремизм. В свою очередь, гендерный экстремизм провоцирует новые деструктивные конфликты в различных сферах: в социальной, политической, бытовой и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что мизандрическая и мизогиническая повестка является привлекательной для части молодежи в связи с неумением строить отношения с

противоположным полом, сексуальными комплексами и неврозами, что толкает их подписываться на данные группы, где происходит обесценивание противоположного пола.

С одной стороны, глубинная повестка скрыта под борьбой с феминизмом и «руснявыми наташками» – как программа национал-патриархального переустройства политического режима российской государственности. С другой стороны, конфликтогенную форму феминизма можно определить – как феминацизм, направленный на дискриминацию и угнетение мужчин по половому признаку. Дискриминация аргументируется стремлением компенсировать дискриминацию женщин в настоящем и прошлом. Большинство феминистских течений, однако дистанцируются от радикального феминизма.

Заключение. Уникальность феномена «ФемКызлар» заключается в громкой медийной презентации ее проектов, флэшмобов («не доводите до гроба», «кровавая невеста» и др.), которые, несомненно, влияют на формирование общественных настроений в Республике Татарстан. Борьба с «патриархатом» и отчасти с традиционными исламскими нормами выливается для них в борьбу с мужчинами.

С другой стороны, группы патриархальной направленности Рунета («Мужское государство»)

более политизированы, чем женские радикальные сообщества и строят свою борьбу с российской государственностью как попытку остановить затянувшийся матриархат. В этом случае пропаганда здорового образа жизни в молодежных маскулинных сообществах является внешним контуром, под которым скрывается национал-социалистическая доктрина [10].

Таким образом, данные сообщества результат переживания субъектом внутриличностного или межличностного конфликта с противоположным полом эффективно используют для формирования деструктивной повестки, основанной на ксенофобии. Гендерная поляризация достигается путем обесценивания противоположного пола.

Эту ситуацию нельзя воспринимать как простой набор бытовых конфликтов между молодыми мужчинами и женщинами, которые их приводят в сетевые сообщества с мизогинией и мизандрией. Исследованные сообщества артикулируют различные политические проекты, в том числе и радикального характера, например, по уничтожению мужчин, как социальной группы, пропаганду гендерного плюрализма и ЛГБТ, обесценивание института традиционной семьи, тем самым, представляя собой сложный социо-культурный конструкт, переживающий в настоящее время период институализации и социальной легитимации.

Литература:

1. Радикальный феминизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/public39608949>
2. ФемКызлар. Феминистки Казани и Татарстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/femkazan>
3. Мужское государство / Штаб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/patriarhat282>
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. - М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.
5. Участницы «ФемКызлар» — о ведах, исламском феминизме и проституции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://entermedia.io/people/uchastnitsy-femkызlar-o-vedah-islamskom-feminizme-i-prostitutitsii/>
6. Margot Badran. Feminism in islam. - Oxford, 2009. - 364 p.
7. Иванов А.В., Козлов В.Е. Конструирование радикальной субкультурной идентичности в культурно

сложном обществе / А.В. Иванов, В.Е. Козлов // Казанский педагогический журнал. - 2020. - № 5. - С. 253-256.

8. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект / А.В. Малашенко. - М.: «Весь мир», 2006. - С. 151.

9. Zamila Abdul Rani. What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015. – P. 134.

10. Иванов А.В. Праворадикальные тренды в Республике Татарстан в виртуальном пространстве: конфликтологический анализ / А.В. Иванов // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира / Материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов (Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г.). - СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. - С. 143-144.

References:

1. Radical feminism [Electronic resource]. - Access mode: <https://vk.com/public39608949>

2. FemKyzlar. Feminists of Kazan and Tatarstan [Electronic resource]. - Access mode: <https://vk.com/femkazan>

3. Men's state / Headquarters [Electronic resource]. - Access mode: <https://vk.com/patriarhat282>

4. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge / P. Berger, T. Lukman. - M.: Academia-Center, Medium, 1995.

5. Participants "FemKyzlar" - about the Vedas, Islamic feminism and prostitution [Electronic resource]. - Access mode: <https://entermedia.io/people/uchastnitsy-femkyzlar-o-vedah-islamskom-feminizme-i-prostitutsii/>

6. Margot Badran. Feminism in islam. - Oxford, 2009. - 364 p.

7. Ivanov A.V., Kozlov V.E. Construction of a radical subcultural identity in a culturally complex society / A.V. Ivanov, V.E. Kozlov // Kazan Pedagogical Journal. - 2020. - № 5. - S. 253-256.

8. Malashenko A.V. Islamic alternative and the Islamist project / A.V. Malshenko. - M.: "Ves mir", 2006. - S. 151.

9. Zamila Abdul Rani. What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. - 2015. - P. 134.

10. Ivanov A.V. Right-wing radical trends in the Republic of Tatarstan in virtual space: conflictological analysis / A.V. Ivanov // Conflictology of the XXI century. Ways and means of strengthening peace / Proceedings of the Third St. Petersburg International Congress of Conflict Resolutions (St. Petersburg, November 15-16, 2019). - SPb.: Fund for the Development of Conflictology, 2019. - P. 143-144.

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

Сведения об авторах:

Иванов Андрей Валерьевич (г. Казань, Россия), кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», e-mail: Berserk2004@yandex.ru

Козлов Вадим Евгеньевич (г. Казань, Россия), кандидат исторических наук, доцент, директор ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», e-mail: info@iprisp.ru

